

Фёдор ЕФИМОВ

ЧТОБЫ «СТАТЬ ГРАЖДАНИНОМ»

Первый сборник стихотворений. – Полоцк: Наследие Ф.Скорины, 1991.

А. Раткевич весь в поиске способа самовыражения, собственного стиля. Кроме Пушкина, все поэты занимаются этим дважды в жизни: в начале и в конце творческого пути, когда собственный стиль надоедает хуже горькой редьки, – очень мучился этим Блок, и революция помогла ему найти стиль «Двенадцати»... Неустанные поиски в области формы – необходимый элемент поэтического становления, созревания, без них дело не обходится ни у кого, кроме Пушкина: он, кажется, от самого рождения сам был готовой формой.

А. Раткевича не очень заботит, ЧТО сказать читателю, большая – и гораздо! – часть сил уходит на решение вопроса, КАК преподнести себя в отличном от всех прочих поэтов виде... Что если я напишу стихи, например, в виде телеграмм? Попробую!..

*Позавчера и вчера и сегодня
мне некого ждать и незачем [тчк]
Лишь где то в сознание вертится слово
верней не слово а факт – одиночка
и ты возвратившись с работы голубкой
не льнёшь с поцелуем ко мне однолюбкой
не мнёшь мои волосы долго и молча
шепча что устала чувствуешь сирой
себя и лишь я одинокий такой же
являюсь тебе колдовством эликсира
и словно взорвавшись весенней почкой
ты подлую дверь открываешь [тчк] (с.35)*

Будь я телеграфистом, посоветовал бы клиенту подумать над «мять волосы» – это ведь не кожа, не глина или, скажем, пластилин! – и «эликсиром». А так ничего, можно отправлять, рядовая телеграмма в смысле содержания... Да, ещё забыл про «подлую» дверь, ни к чему это!.. Форма получилась выдающаяся, не спорю, но стихи ею не усилились.

В таком случае попробую вот так – ПЕРЕЛИВЫ:

*Вечер, как тайное вече,
через тюльпаны костров*

*мне на склонённые плечи
сыплет песчинки слов.*

*Сыплет песчинки слов
мне на склонённые плечи
через тюльпаны костров
вечер, как тайное вече. (с.23)*

И ещё шесть вот таких восьмистиший... Можно и так, бумаге-то всё равно. Только ведь это уже было, покойный Андрей Миронов пел в «Бриллиантовой руке»: «Весь покрытый зеленью, Абсолютно весь, Остров Невезения В океане есть. Остров Невезения В океане есть, Весь покрытый зеленью, Абсолютно весь...» Искомое поэтом отличия и тут нет как нет! Притом в песенке из кинофильма нет, например, и «склонённых плеч», потому что нельзя склонить плечи отдельно от всего туловища... Когда молодой поэт написал «опустил лицо», И. Бунин сварливо закричал: «Молодой человек, можно опустить голову, а не лицо!..» Сверх того, у А. Раткевича вышла изрядная мешанина из крови, костров и тюльпанов, из сравнений, сравниваемых со сравнениями же. О какой-либо мысли я уже и не говорю, это упражнение на неё и не рассчитано.

Это огорчает больше всего. Издержки формальных поисков ничуть не страшны, они преходящи, как детские болезни (однако и их не следует запускать), а вот «издержки мышления» настораживают – я говорю, конечно, о специфически-поэтическом, а не обыденно-практическом мышлении... Трудишься-трудишься над запутанной словесностью, разгрызаешь, наконец, этот орех, а внутри – пустота:

*Аромат любимых женщин
в час, когда я нелюдим,
сухость дней – морщинок-трещин –
освежает, словно дым (хороша «свежесть»!)
трав, пылающих в апреле
на лугах сквозь ветра муть –
это миг, но в нём и суть
лет, которые сгорели. (с.19)*

Разумеется, здесь есть попытка мысли, но стоило трудиться, вызывать из глубин психики силы, чтобы потратить их на её подобие?.. Мысль, вяло выраженная, для меня ничего не значит, сказал великий Б. Пастернак, – а в данной случае и выражать-то нечего... Кстати, у Б. Пастернака же с предельной ясностью сказано: «У нас весною до зари Костры на огороде...»

– в садах и на огородах сжигают по весне прошлогодний мусор, отнюдь не «на лугах», холмах или в лесу...

Порою кажется, что А. Раткевич пишет, словно не задумываясь над смыслом. Вот – КРАСОТА, из цикла СИТУАЦИИ:

*Ты строен, а я сутул.
Я щедрый, а ты куркуль.
Твой взгляд силён и жемчужен,
а мой – землист и недужен.
Я скромн, а ты спесив.
Так кто же из нас красив? (с.11)*

Неужели можно назвать скромным человека, говорящего о самом себе, что он «щедрый» и «скромный»? Думается, так о себе заявляет величайшая нескромность... Что же до «жемчужного» взгляда, то это просто случайное слово, не состоящее ни в какой связи с остальными.

Само существование феномена поэзии оправдывается исключительно мыслью. Стихотворение без мысли – хуже неплодоносящей яблони, тут хоть ствол на что-то годится, древесина полезная. Хуже яловой коровы, только пожирающей траву (у нас до сих пор в угоду списочному поголовью не разрешается выбраковывать яловых коров, и это поистине символ экономического бесплодия системы!..), но и она, хоть и не даёт приплода и молока, опять-таки даёт говядину. А поэзия без мысли не только ничего никому не даёт, но ещё и отнимает – время, душевные усилия – и при этом портит вкус, почти уголовное деяние. Разбой...

Но, строго говоря, вовсе лишённого всякой мысли стихотворения не бывает. Даже буриме всё-таки состоит из слов, а слово само по себе – носитель какого ни есть смысла, о чём-то говорит. Что касается вышеприведённого стихотворения А. Раткевича, то оно – конечно, непреднамеренно – повторяет известнейшее, принадлежащее перу Н. Заболоцкого... забыл название (и это симптоматично!), но мысль отчётливо помню: что есть красота – сосуд или огонь, мерцающий в сосуде?.. Ничего не стоит взять том поэта с полки и прочесть, но я не испытываю в этом потребности, ибо хорошо помню, что речь в нём идёт о некрасивой девочке, похожей на лягушонка, что вообще мысль стихотворения естественным путём вытекает из предметности и словесности её. Это и называется: форма соответствует содержанию. А у А. Раткевича – не соответствует, приплетена к предметности, пришита белыми нитками к ничего незначащим и ничем не обеспеченным словам...

Этим я хочу сказать, что форма и содержание всякого произведения искусства до такой степени взаимосвязаны, взаимообусловлены, что в сущности своей представляют собой одно и то же. Вот почему отдельные поиски формы – занятие совершенно непродуктивное. Это как если бы

человек учился ходить сначала на одной ноге, затем на другой, а уж потом на обеих вместе...

Есть у А. Раткевича стихотворение ПАРАДОКС:

*Одни говорят: сначала –
материя, а потом
уже из неё выростала
идея как снежный ком...*

Что бы попридержать карандаш и подумать: «вырастать» – значит тянуться куда-то вверх, следовательно, снежный ком в эдаком контексте «нарастает», стремится вниз, но по отношению к «идее» это было бы неверным. Вот форма и разрушена!.. Но я о другом, именно о «парадоксе» поэзии, чему посвящено стихотворение...

Л.Н. Толстой, как он сам об этом поведал, учился кататься на велосипеде в манеже. Увидел едущую навстречу девушку, тоже неопытного ездока, и подумал: не наехать бы на неё. И чем больше он об этом думал, тем больше с ней сближался, и дело кончилось падением обоих ездоков с велосипедов. Что-то подобное происходит с неумелым «ездок» в поэзии: чем больше забот о форме, так сказать, о «посадке» на этом своенравном велосипеде, чем больше внимания к этой стороне поэзии – тем меньше успехов именно в форме. Но, как уже сказано, форма неотделима от содержания (теперь вообще говорят о «содержательной форме»), поэтому неряшливая форма не может не свидетельствовать о таковом же содержании. Вот в чём действительные парадоксы поэзии...

Однако всё это пахнет схоластикой, хотя, по-видимому, и теоретически верной. А поэзия – дело практическое, и в ней главное – личность автора. Его личностное мышление, сила его чувствования, круг идей, привязанностей, желаний широта его кругозора, то, о чём он думает неотступно... Смотрите, что получается, когда А. Раткевич оставляет соображения на тему, красивее ли он в духовном смысле своего оппонента, и в сознании вдруг прорезывается мысль о самом теперь главном в нашей жизни, – в ПЕРЕПЛАВКЕ:

*Мы дети бронзового века.
Во мне меня давили век.
Как на болванке человека.
на мне отлито: имярек.*

*Мы и м е н и т ы и б е з л и ч н ы .
Не считить бронзовую ржу.*

*Как брак, отточенный отлично,
на переплавку ухожу. (с.9)*

Я даже и с «ржу» соглашусь, есть такая форма, неканоническая. И с неточностью «отточенного» брака. Потому что очень уж высоко и трагично содержание стихотворения, и данные мною разрядкой слова выражают самую существенную сторону, вернее как раз две стороны горестного нашего положения: мы действительно и м е н и т ы (последний советский человек, говаривал Сталин, на голову выше любого высокопоставленного капиталистического чинуши) – мы же одновременно и б е з л и ч н ы, ибо у нас и в переносном, и в прямом смысле отнимали то, что возвышает нас над капиталистами...

Высокое и важное содержание отлилось в такую же форму.

Дело, стало быть, за тем, чтобы постоянно думать о вещах важных и высоких? Да, но принудить себя к этому невозможно, и значит, не нужно, выйдет неискренность, худший враг поэзии...

Дело вообще за тем, что «стать гражданином», а уж потом – «поэтом». Увы, это не происходит по воле и желанию индивида, каков он есть, таким и будет. Это уж как кому дано...

22.02.1990г.